

Майя Бэнкс

Юная жена

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6889994
Юная жена: роман / Майя Бэнкс: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-079578-9

Аннотация

Юная Эвелин Армстронг не ждет чудес и покорно идет под венец с мужчиной, которого выбрал для нее отец, — мужественным и суровым Грэмом Монтгомери.

От нее требуется быть хозяйкой в замке супруга и родить ему наследников — о счастье же речь не идет...

Однако под внешней суровостью Грэма таится доброта и жажда любви. И бесхитростная красавица молчунья с солнечными волосами и сияющей улыбкой пробуждает в нем не только страстное желание, но и нежность, стремление защитить ее и сделать счастливой...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	44
Глава 12	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Майя Бэнкс Юная жена

Maya Banks
NEVER SEDUCE A SCOT

Печатается с разрешения издательства Ballantine Books, an imprint of The Random House Publishing Group, a division of Random House, Inc. и литературного агентства Nova Littera SIA.

© Maya Banks, 2011
© Перевод. Е.В. Моисеева, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Пролог

Мир пришел в горы. Земля издавала ласковые звуки благодарности за краткие мгновения отдыха от злобы, насилия, кровопролития. Снега исчезли. Тепло долгих дней прогнало их прочь. Наступила весна. Пышные травы зазеленели между скальными выходами и огромными валунами, преобладающими в здешнем ландшафте.

Все было прекрасно. Теперь король Александр II мог бы сосредоточиться на других проблемах, если бы не одно очень важное дело.

Его самые могущественные союзники, два мощных клана, на дух не переносили друг друга. Монтгомери и Армстронги пребывали в состоянии войны, и это была не просто наследственная вражда. Однако король не имел ни времени, ни желания терять из-за междоусобицы столь ценных приверженцев. Сейчас, когда сошли снега и ночи сделались короче, борьба возобновится и опять будут гибнуть воины.

Вот почему король решил действовать и разработал план ненасильственного примирения злейших врагов.

Однажды утром, когда солнце еще не успело подняться над горизонтом, он послал двух всадников, которые должны были сообщить королевскую волю лэрду Армстронгу и лэрду Монтгомери.

И, черт возьми, он надеется, что они не поубивают друг друга на свадьбе.

Глава 1

— Что за бред?! — воскликнул Боуэн Монтгомери. — Он не может связать тебя с этой маленькой дурочкой, дочерью нашего злейшего врага!

Грэм Монтгомери мрачно посмотрел на брата, не в состоянии выразить словами ярость, бушевавшую в груди. Посланец короля уже отбыл и даже пересек границы владений Монтгомери. Грэм позаботился об этом. Он считал, что король предал его, и больше не желал видеть в своих пределах ни одного представителя короля.

— Да она совсем дитя, — с отвращением сказал Боуэн. — И к тому же она... да всем известно, что у нее не все дома. Черт подери, что тебе с ней делать?

Грэм поднял руку, призывая брата к молчанию. Его пальцы дрожали от гнева. Повернувшись, он зашагал прочь от Боуэна. Чтобы он мог осознать ущерб, нанесенный ему и всему клану, требовалось уединение.

Король, пытаясь прекратить вражду между двумя соперничающими кланами, не просто издал указ о бракосочетании. Он весьма эффективно покончил с надеждой Грэма передать власть своим наследникам. Потому что в таком случае наследников не будет.

У него не будет сына, который мог бы унаследовать титул лэрда, и одному из его братьев — Боуэну или Тигу — придется взять на себя эту обязанность и обеспечить роду наследника, чтобы имя Монтгомери не исчезло навеки. Клан вообще может решить, что лэрдом должен стать один из его братьев, ибо сам Грэм получит жену, которая не сможет занять подобающее место в клане и у него не будет наследника.

Проклятие! Как мог его сеньор так поступить? Ведь он отлично понимал, на какое будущее обрекает Грэма.

По узкому коридору он прошел из главного зала в маленькую приемную. В комнате было темно. Окна еще были завешены шкурами. Грэм не стал их отдергивать, а зажег свечу от одного из светильников на стене коридора. Толку от свечи было не много, но Грэм без труда прошел к прочному столу, за которым не одну ночь просидел его отец, скрипя пером в учетной книге. Старый лэрд был скуповат и точен до мелочей. Он учитывал всякую ценность, принадлежащую клану. Но сердце у него огромное — величиной с гору, — он был справедлив и следил, чтобы у каждого имелось все необходимое. Все были одеты и накормлены, даже если ему самому доставалась меньшая доля. Не проходило дня, чтобы Грэм не вспоминал о нем с тоской.

Тяжело опустившись в кресло с изогнутой спинкой, Грэм пробежался пальцами по истертому дереву подлокотников, и ему показалось, что дух отца здесь, с ним.

Свадьба. С одной из клана Армстронгов. Это невысказано! А тут еще Боуэн со своей болтовней о том, что девчонка полоумная. Грэм никогда не задумывался над слухами, что она с чудинкой. Это его не касалось. До нынешнего дня. Все знали, что девушка не такая, как все, и что Армстронги стоят за нее горой.

Она даже была помолвлена с одним щенком из клана Макхью. Вождь клана Тэвис Макхью заключил союз с Армстронгами, потому что с ними он становился силой, с которой приходилось считаться. Сами Монтгомери никогда не ладили с Макхью. Те, безусловно, имели отношение к смерти отца Грэма, однако Грэм знал, кто несет за нее непосредственную ответственность. Именно Армстронги заслуживали его ненависти.

Он не сожалел, что помолвка расстроилась и семьи не оказались связаны формальными узами родства. Армстронги не спешили устанавливать контакты с соседними кланами, им это было ни к чему. Они сами представляли собой такую силу, что могли бы одержать победу в любой битве, если бы только против них не выступали сообща объединившиеся войска других кланов.

Тэвис Армстронг оказался точно таким же, каким был его отец: не полагался на договоры и обещания, никому не давал возможности предать его и благополучие клана держал в собственных руках.

Не будь они злейшими врагами, Грэм, пожалуй, мог бы уважать решимость, с которой Тэвис управлял кланом, и его принцип никогда не рассчитывать на чужую поддержку.

Когда помолвка между дочерью Армстронгов и сыном Макхью расстроилась, причин этого никто не называл; правда, шептались, что у девицы не все в порядке с головой. Армстронги были не слишком общительны и предпочитали держаться особняком, а потому об их единственной дочери было мало что известно.

Нет, Грэм не сожалел, когда та свадьба не состоялась. Он отлично знал, что Макхью использует родство с Армстронгами против его, Монтгомери, клана. Макхью хотел получить больше земли и больше власти, а владения Монтгомери были ему как кость в горле, потому что запирали его на севере.

И что теперь делать, если Грэму навязывают женщину, о которой он почти ничего не знает? Мало того что она сумасшедшая и не может исполнять обязанности жены, так она еще из враждебного клана! Да будь она самой лучшей женщиной в горах Шотландии, Грэм не захотел бы иметь с ней дело!

Нет, если он решит жениться, то выберет невесту из собственного клана. Он никогда не возьмет женщину, союз с которой приведет к раздорам, вражде, опасности для его клана. А в случае с Эвелин Армстронг будет именно так.

— Грэм? — тихонько донеслось от двери.

На сердце у Грэма потеплело. В приоткрывшуюся щелку обеспокоенно заглянула его сестра Рори.

— В чем дело, милая? — спросил Грэм, жестом приглашая ее войти.

Рори исполнилось пятнадцать лет, но внешне она очень отставала от своих сверстниц, большинство из которых уже обладали женственными формами и развитой грудью. Рори же по-прежнему оставалась тоненькой и легкой. Ее можно было принять за мальчика, если бы не поразительно красивые зеленые глаза и нежное лицо.

Имея троих взрослых братьев, Рори должна была бы привыкнуть ко всему, но на деле была более застенчивой и тихой, чем любая из знакомых Грэму девиц. Но только не в обществе своих братьев. Ими Рори смело командовала, с ними держалась уверенно и не чуралась проказ. Остальных членов клана предпочитала избегать и старалась держаться от них особняком.

— Это правда? Ну, то, что сказал Боуэн? — Теперь Рори была всего в нескольких футах от Грэма, стояла перед столом, на котором лежали его тяжелые кулаки. — Ты женишься на одной из Армстронгов?

Грэм внимательно посмотрел ей в лицо — не испугалась ли? Он сделает все, что угодно, лишь бы избавить ее от страхов. Рори тяжелее всех переживала смерть отца — именно она была его любимицей. И она больше всех остальных считала Армстронгов чудовищами.

Однако на лице Рори читались лишь тревога и недоумение.

— Так распорядился король.

Сестра нахмурилась.

— Но зачем? Как он мог так поступить с нами?

— Не тебе обсуждать его повеления, — не слишком сурово отозвался Грэм. Разве можно упрекать ее за непочтительность к королю, если он и сам задает себе тот же вопрос.

— Они убили папу, — мрачно заявила Рори. — Разве может быть мир между нами? Как может король считать, что, заставив тебя жениться на одной из них, он что-то изменит?

— Ну, тихо, тихо, — мягко остановил ее Грэм. — Хватит, Рори. Нас призывают к Армстронгам, к ним мы и поедем.

На лице сестры тотчас отразился ужас.

— Поедем к ним? На их земли? Где они могут всех нас убить? Почему они сами не хотят к нам приехать? Почему только мы должны жертвовать всем? Что они сделали, чтобы заполучить расположение короля?

На губах Грэма промелькнула улыбка, его позабавило предположение сестры.

— Не думаю, что приказ отдать мне в жены свою дочь они расценивают как королевскую милость. Скорее всего им это дело нравится не больше, чем нам.

— Говорят, она с приветом, — сообщила Рори.

Грэм вздохнул.

— Думаю, на свадьбе мы все узнаем, как же иначе?

В этот момент из коридора раздался зычный голос Тига.

— Грэм! Черт побери, где ты?

Грэм снова вздохнул. Рори быстро улыбнулась, и тут, в поту и запекшейся крови, в дверь ввалился Тиг.

— Скажи, что это вранье! — рявкнул он.

— Ты оставил тренировочный бой, чтобы узнать, правду ли сказал тебе Боуэн? — спросил Грэм. — Решил, что он может соврать и что следует бросить свои обязанности и кинуться ко мне, чтобы задавать свои вопросы?

Тиг нахмурился, начал что-то бормотать, но умолк, только сейчас заметив, что их слушает сестренка. Он закрыл рот и опустил взгляд на покрывавшие его одежду пятна крови.

Рори была не такая, как все, другая. Для большинства женщин их клана кровь, насилие, битвы были частью жизни. Как еда или сон. Но Рори такая чувствительная. Бледнеет от вида крови, ненавидит боль и насилие.

— Черт возьми, Грэм! Перестань хоть на минуту изображать из себя лэрда и объясни толком, правда это или нет, чтобы я ушел и не расстраивал Рори еще больше!

— Она уже и так расстроилась, — заметил Грэм. — Очевидно, по той же причине, из-за которой ты расшумелся в коридоре, выкрикивая мое имя.

Тиг молчал. Мышцы его напряглись, губы сжались.

— Значит, это правда, — наконец выдавил он.

— Да, правда.

Тиг хотел выругаться, но сдержался и выскочил из комнаты. Его тяжелые шаги загрохотали по коридору.

— Да, — выдохнула Рори, — хорошие дела творятся у нас.

Глава 2

Рев Тэвиса Армстронга заполнил всю крепость и вырвался во внутренний двор, где тренировались его люди. Многие выронили мечи, другие, наоборот, приготовились к обороне, решив, что подступает опасность.

Эвелин не услышала отца, но ощутила, как задрожали каменные плиты пола, и догадалась, что в главном зале что-то произошло. Слишком много шума и беготни. Казалось, по замку с грохотом пронеслось стадо баранов.

Лицо Эвелин оставалось спокойным, но все же она выглянула из-за угла и посмотрела в пролет лестницы, чтобы узнать, что вызвало такое волнение в замке.

Ее отец с перекошенным от ярости лицом крепко сжимал в руке смятое письмо. Рядом, сложив на груди руки, стояли два ее брата, Броуди и Эйден. Даже с этого расстояния Эвелин видела, что их обуревают такой же гнев.

Она перевела взгляд на человека перед лэрдом. Он выглядел так, словно хотел оказаться где угодно, только не здесь. Очевидно, именно он принес дурные вести в письме, которое держал в руках отец.

Эвелин стала рассматривать незнакомца. Ясно, что это человек короля. На его щите герб короля, а на правой руке рубиновое кольцо, указывающее на его статус королевского посланца.

Эвелин подсадовала, что из-за позы отца не может разглядеть его губ, зато ей было отлично видно лицо посланца. Когда он снова заговорил, Эвелин сосредоточилась, твердо решив выяснить, что же он скажет ее отцу.

— Да исполнится воля короля. Он постановил, что свадьба должна состояться в течение двух недель. За это время вы успеете подготовиться. Свадьба состоится здесь. Король пришлет своего представителя, дабы проследить, что все совершилось должным образом.

Свадьба? Эвелин оживилась. Конечно, отец так рассердился не из-за свадьбы. И кстати, о чьей свадьбе речь? Король пришлет представителя? Все это так важно, так волнует! Она сможет увидеть новых, интересных людей.

В этот миг в зал влетела мать, которая, очевидно, подслушивала. Эвелин заморгала, пораженная ее дерзостью. Отец часто упрекал жену за то, что она вмешивается не в свое дело. Проку от этих упреков было мало, да и отец не мог по-настоящему долго сердиться на нее, но на сей раз все было иначе. Речь шла о посланце короля, и оскорбить его означало оскорбить короля.

— Тэвис! Ты не можешь этого допустить!

Эвелин едва сумела разобрать слова матери, когда они срывались с ее губ. Ее лицо было залито слезами. Неужели все из-за свадьбы? Эвелин нахмурилась. Какая-то бессмыслица!

Тэвис удержал жену за руку и повернулся так, что Эвелин смогла понять слова. Отец резко бросил ее брату Эйдену:

— Уведи отсюда свою мать.

Робина Армстронг отчаянно замотала головой, стараясь вырваться из рук сына.

— Это безумие! Не позволю бросить ее на съедение волкам! Так нельзя! Она не может исполнять супружеский долг. Это извращение, Тэвис! Ты не должен этого допустить!

У Эвелин мурашки побежали по спине. Она начала догадываться, что привело ее семью в такой ажиотаж. Свадьба? Мать в слезах? Что означают эти слова: «не может исполнять супружеский долг», «бросить на съедение волкам»? Кто они, эти волки?

Посланец короля хмурился. Очевидно, его пугало враждебное окружение, в котором он вдруг оказался.

— Таков приказ короля. Грэм Монтгомери и Эвелин Армстронг поженятся.

Эвелин прикрыла рот рукой, несмотря на то что уже три года не произносила ни слова. Жест был инстинктивным, словно она пыталась сдержать беззвучный крик, рвавшийся из самой глубины души.

Не желая ничего больше видеть, она повернулась, подхватила юбки и бросилась прочь из замка к роще на берегу ручья, питавшего ближнее озеро.

Привычно выбрав огромный валун, нависающий над водой там, где пенный поток ускорял свой бег среди скал, Эвелин опустилась на него. Ей казалось, что в голове возникают смутные воспоминания о шуме и грохоте ручья. Она так давно ничего не слышала, что звуковые образы уже начинали бледнеть и уходить из памяти. Эта потеря ее страшно печалила. Прежде она могла сидеть на своей скале и вспоминать журчание ручья и мир, который оно приносило в ее душу. Но со временем эти фантомные звуки испарились. Теперь Эвелин чувствовала, что все глубже погружается в беззвучную пустоту.

Подтянув колени, она положила на них руки, опустила подбородок и прикрыла глаза, но тут же распахнула — мир без звуков и зрительных образов был невыносим.

Замужество.

Именно помолвка привела ее к теперешнему состоянию, которое длится уже три года. Произошла беда, но она спасла Эвелин от нежелательного брака, на котором настаивал ее отец.

Эвелин охватила паника. Как такое возможно? Разве она сможет покинуть свое убежище, где ее так любят и берегут? Здесь никто не думает о ней дурно — по крайней мере никто не дерзнет сказать о ней что-то плохое. Отец проткнет мечом любого, кто посмеет обидеть его единственную дочь.

Однако Эвелин знала, о чем шепчутся у нее за спиной. Вернее, не за спиной, а прямо в глаза: «Полоумная. Тронутая. Сумасшедшая. Бедная девочка, никому-то она не нужна».

Эти люди ошибались, но Эвелин не пыталась их поправить. Это слишком опасно.

Она была помолвлена с Йеном Макхью. Отец Йена, вождь клана Макхью, очень стремился к этому браку, и отец Эвелин наконец согласился. Он всегда был осторожен с заключением новых союзов, однако Патрик Макхью принадлежал к тем немногим, кому отец доверял; пожалуй, их даже можно было назвать друзьями. Брак между единственной дочерью Тэвиса Армстронга и наследником Макхью казался самой естественной вещью на свете.

Однако Йен вовсе не был таким очаровательным молодым человеком, каким казался окружающим. Внешне он был безупречен. Истинное воплощение джентльмена, он сумел завоевать сердце ее матери и даже получить благословение братьев Эвелин, которые всегда были готовы встать на защиту сестры.

Но под благопристойной внешностью скрывался человек, который наводил на Эвелин безграничный ужас. Он пугал ее рассказами о том, каким, с его точки зрения, будет их брак, и смеялся, когда Эвелин обещала рассказать об этом отцу. Йен заявлял, что никто не поверит ее обвинениям. Эвелин не могла такого представить, пока действительно не обратилась к отцу.

Тэвис был добр к ней, но приписал ее возражения девичьим страхам. Он обещал дочери, что все будет хорошо, а Йен станет ей отличным мужем, и добавил, что считает Йена честным и достойным человеком.

Хуже всего было то, что Йен открыто ухаживал за Эвелин на глазах ее семьи, часто приезжал к ним, всячески демонстрировал привязанность. Он безупречно играл свою роль. Весь клан готов был восхищаться им. И лишь оставаясь с ним наедине, Эвелин имела возможность заглянуть в его душу, полную зла.

Эвелин вздохнула и вновь опустила голову на руки. Ветер раздувал юбки. Тайны. Сколько тайн, сколько лжи!

Она очень любила ездить верхом, но прогулки в одиночестве ей не позволялись — никто никогда не забывал об угрозе, исходящей от Монтгомери. Отец даже думать не хотел о том, что произойдет, если его дочь попадет в руки смертельных врагов его клана.

Однажды утром Эвелин отправилась в конюшню, оседлала лошадь и тронулась в путь. Только это была не обычная прогулка, а побег. Дурацкое, поспешное решение, о котором она не переставала жалеть до сих пор.

Она и сейчас не знала, смогла ли бы его выполнить, но ей не хватило мужества выбраться за пределы земель Армстронгов. В конце концов, как может девушка выжить одна, без защиты семьи?

Этот шаг отчаяния обошелся ей дороже, чем она была в состоянии себе представить. Эвелин направила лошадь по знакомой дороге. Тропа бежала вдоль глубокого ущелья, образованного рекой, которая пробилась в скалах небольшой каньон. Вдруг лошадь споткнулась, Эвелин вылетела из седла и покатила вниз.

Она плохо представляла, что было дальше. Помнила лишь страх и одиночество. Ужасно болела голова, и было холодно. Шло время, и холод становился все невыносимее.

Очнувшись она у себя в комнате. В мире, где не существовало звуков. Эвелин не знала, как рассказать о своем недуге. Горло у нее распухло. Лихорадка не проходила много дней. Когда Эвелин пыталась заговорить, боль в горле становилась острее, а потому она предпочитала молчать и лишь удивлялась царившей вокруг тишине.

Позже она узнала, что две недели стояла на пороге смерти. Знахарка заметила, как распухла у больной шея, и высказала опасение, что лихорадка повредит разум несчастной.

Сначала Эвелин, пожалуй, верила ей. Потом было время, когда она считала, что глухота послана ей в наказание за неповиновение отцу. Эвелин долго не могла привыкнуть к своему состоянию и слишком стыдилась, чтобы рассказать о нем правду родителям. Они смотрели на нее с таким разочарованием, с такой опустошенностью, что, возможно, Эвелин решила бы объяснить им истинное положение дел, но тут в замок явились Макхью и потребовали сообщить им о здоровье Эвелин.

Не получив заверений, что Эвелин полностью исцелилась, Йен тут же разорвал помолвку. Можно ли было его за это винить? Даже отец Эвелин не мог упрекнуть мужчину, который отказывается брать в жены девушку, чьи умственные способности под вопросом.

Эвелин не желала признаваться, что перестала слышать. Она верила, что слух чудесным образом к ней вернется. Однажды она проснется, и все снова будет прекрасно.

Смешная мысль, но Эвелин хранила эту надежду, пока не стало окончательно ясно, что глухота может стать для нее спасением.

Так началась эта ложь, ложь не высказанная, но порожденная умолчанием. Эвелин позволила своим родным и всему клану считать, что несчастный случай подействовал на ее разум, ибо такое положение защищало ее от брака с мужчиной, которого она ненавидела и боялась.

И от этой лжи нельзя было потом отказаться. Пока Йен оставался холостым, опасность не исчезала. Если бы выяснилось, что единственным недостатком Эвелин является глухота, он легко мог потребовать возобновления помолвки.

Обман разрастался и начал жить собственной жизнью. Чем больше проходило времени, тем беспомощнее чувствовала себя Эвелин, неспособная разорвать порочный круг этой лжи. А теперь вот оказалось, что все было впустую. Она обменяла брак с сыном дьявола на супружество с самим дьяволом! И на сей раз не в ее власти что-либо изменить.

Эвелин содрогнулась, прижала лоб к коленям и в отчаянии стала раскачиваться из стороны в сторону.

Грэм Монтгомери! Одно это имя наводило на нее ужас. Уже пять десятилетий между их кланами существовала непримиримая вражда. Эвелин не помнила, с чего началось это кро-

вавое противостояние, но оно действительно было кровавым. Дед Эвелин убил отца Грэма, и Грэм этого никогда не простит.

Монтгомери жили для того, чтобы нападать на Армстронгов, грабить их, проливать их кровь. Отец и братья Эвелин действовали точно так же. Они обнажали меч против любого из Монтгомери лишь потому, что тот существует на свете.

Эвелин все это казалось бессмысленным, но она была женщиной, которую считали нежным маленьким цветком, ей не полагалось разбираться в таких вещах, даже когда она, по общему мнению, пребывала еще в здравом уме.

Она с силой потеряла лоб. Подступала знакомая мигрень, которая всегда начиналась с затылка, потом поднималась к ушам, давила все сильнее, так что хотелось кричать. Но крикнуть она не могла, не могла издать ни звука. Эвелин не могла знать, насколько тихо или громко она говорит, но не хотела, чтобы кто-нибудь догадался о ее глухоте, а потому обрекла себя на пребывание в полном молчании.

Вдруг Эвелин ощутила чье-то приближение. Потеря слуха обострила другие ее чувства. К собственному удивлению, она обнаружила, что осязание у нее настолько развилось, что она стала замечать малейшие колебания воздуха.

Эвелин обернулась. К ней с мрачным видом приближался Броуди. Однако лицо его прояснилось, как только он заметил сидящую на скале сестру.

Если она действительно выйдет замуж за вождя клана Монтгомери, то больше всего будет скучать по Броуди. Эвелин так хотелось кричать, что спазм стиснул ей горло.

Броуди что-то говорил, но Эвелин не понимала, потому что ветка заслонила его губы. Броуди выразительно вздохнул и присел рядом с сестрой, как делал множество раз. Он всегда знал, где ее найти, знал все потайные места, где она пряталась. От него Эвелин нигде не могла скрыться.

Он ласково стиснул огромной рукой ее тонкие пальцы и что-то сказал. Эвелин подалась вперед, чтобы разобрать слова.

— Тебя зовут в дом, цыпленок.

Эвелин нравилось, когда он так ее называл. Ласковое прозвище почти всегда производилось с улыбкой, но на сей раз Броуди не улыбался. В его глазах отражалось отчаяние, а лоб был сурово нахмурен.

Не желая огорчать брата еще больше, она подала ему вторую руку и подождала, пока он поможет ей подняться на ноги. Лучше сделать вид, что ей ничего не известно. Может, стоит вообще изобразить из себя дурочку? Если королю станет известно, насколько она не годится для брака, он, конечно, не будет настаивать на подобном союзе.

Эта мысль подняла дух Эвелин, и она спокойно зашагала рядом с братом к замку. Отец всегда говорил, что король — достойный и справедливый правитель, что он принес мир в горы Шотландии, подписав договор с Англией.

Если на свадьбе будет присутствовать его представитель, то, увидев невесту, и он будет вынужден отложить свадьбу и сообщить королю о непригодности Эвелин к назначенной ей роли.

Глава 3

Пока Броуди вел ее к главному залу, Эвелин пыталась взять себя в руки. Это было непросто. Сердце отчаянно колотилось в груди.

Отец метался перед громадным камином. Второй брат Эвелин, Эйден, сидел у большого деревянного стола. Его глаза сверкали гневом. Нога резко отстукивала ритм.

Эвелин вглядывалась в лица родителей, отчаянно желая понять, о чем они говорят. Ей пришлось отстраниться от Броуди и передвинуться так, чтобы лучше их видеть.

— Тэвис, ты не должен этого допустить!

Отец крепко схватил мать за плечи и с мукой в глазах заглянул ей в лицо:

— Робина, это приказ короля. Я не могу его послушаться.

Робина отстранилась и посмотрела на дочь. Глаза матери покраснели и распухли от слез. Казалось, горе волнами распространяется от нее по всему залу. Увидев Эвелин, она помрачнела еще больше.

Обняв дочь за плечи, мать прижала ее к себе и подтолкнула к отцу. Эвелин чувствовала, как тело матери сотрясается от дрожи, но изо всех сил пыталась сохранить на лице безмятежное выражение.

Тэвис поднял дрогнувшую руку и погладил Эвелин по щеке. Не в состоянии выдержать его горестный взгляд, она спрятала лицо в его ладони и потерлась о нее.

— Дитя мое, мой самый драгоценный дар. Наш король выступил против нас.

Он уронил руку и отвернулся. Эвелин нахмурилась — боялась пропустить его слова.

— Ты должен уговорить его, — сказала Робина и, коснувшись его локтя, попыталась повернуть к себе лицом. — Возможно, ему неизвестно о состоянии Эвелин.

Тэвис обернулся. Его лицо было страшным от гнева. «Настоящая гроза», — подумала Эвелин.

— Неизвестно? Да он был здесь через несколько месяцев после несчастья с Эвелин! Видел, что она изменилась. И даже выразил мне сочувствие из-за того, что она никогда не сможет составить выгодную партию и родить детей. А теперь он посылает ее нашим злейшим врагам как жертвенную овцу, чтобы вынудить нас примириться.

У Эвелин кровь отхлынула от лица. Лишь бы мать не заметила, как она вздрогнула при этих словах отца.

— Посмотри на нее, Робина. Она ведь даже не понимает... — Тэвис сделал жест в сторону дочери.

— Не смей порочить ее! — с яростью прокричала Робина. По ее лицу Эвелин поняла, с каким гневом она произнесла эти слова. — Она чудесная девушка. И она не дурочка. Прекрасно шьет. И самое главное она понимает. Всегда помогает людям нашего клана, для каждого находит улыбку. Этот монстр погубит ее.

— Я вовсе не принижая ее! — рявкнул Тэвис.

Эвелин поняла, что он кричит, только по вибрации воздуха, но в ее жизни были и другие звуки — очень немногие, — их она могла слышать на самом деле. Те звуки всегда были глубокими, ничего высокого или резкого, ничего обычного, монотонного. Но все же иногда Эвелин кое-что слышала.

— Робина, я люблю ее не меньше, чем ты. Неужели ты думаешь, что я по доброй воле хочу отдать свою дочь в жены нашему кровному врагу?

Мать шагнула назад и прижала кулак к губам. Отец наступал на нее с багровым от гнева лицом.

— У меня нет выбора! Понимаешь, нет выбора! Ослушаться короля — значит подписать всем нам смертный приговор. Нас объявят вне закона, и все жадные до денег мерзавцы начнут охоту за нашими головами.

— Да защитит нас Господь, — пробормотала Робина. Ее лицо сморщилось, а в глазах отразилась такая тоска, что Эвелин было страшно на нее смотреть.

Оба брата Эвелин молчали. Возможно, не имели своего мнения, но скорее не желали вмешиваться в спор родителей, пока чувства были так накалены.

Эвелин не могла допустить, чтобы родители так себя мучили. Если ей предназначено стать искупительной жертвой ради того, чтобы прекратилась вражда двух кланов, значит, такова ее судьба и тут уж ничего не поделаешь. Нельзя допустить, чтобы ее близкие испытывали подобную боль.

Она шагнула вперед и продела руку под руку отца. Он удивленно взглянул на нее, заметил серьезное выражение на ее лице и сделал над собой усилие, чтобы сдержать бушующие эмоции.

Эвелин приподнялась на носках, поцеловал отца в щеку и погладила по плечу, словно желая успокоить.

Лицо Тэвиса смягчилось, но боль в глазах стала острее. Он как будто постарел в одночасье — кожа сделалась серой, плечи поникли. Эвелин никогда не видела своего воинственного отца в таком состоянии.

Тэвис притянул дочь за шею и поцеловал в лоб. Она чувствовала, как он что-то сказал, но не хотела отстраняться, чтобы прочесть по губам, потом все-таки повернула голову так, чтобы разобрать его слова:

— Милая девочка... Ты всегда была такой. Эвелин, ты мое сердце. Будь проклят король за то, что вырвал его у меня.

Эвелин обернулась к матери, чтобы, как и отца, поцеловать в щеку, но Робина порывисто обняла ее и с жаром притиснула к себе.

Мать была не в себе, и девушка не представляла, как ее успокоить. Да и что она может сделать, если сама потрясена? Прежде Эвелин и не думала, что ей все равно придется выйти замуж и выполнять все, что требуется от обычной, нормальной женщины. Она спряталась за свою глухоту как за щит. Все ложь и обман.

Ужасно! Чувство вины тяжким бременем давило на ее плечи, хотелось закрыть глаза, чтобы ничего больше не прочесть по губам близких.

Пол задрожал под ногами Эвелин, и она обернулась к двери раньше остальных.

— Вам послание, лэрд, — входя в зал, произнес Нейл.

Напряженное выражение лица и порывистость движений просто кричали, насколько важное известие он принес. В руках Нейл держал свиток, но Эвелин не могла разглядеть печать, чтобы понять, от кого он. Неужели это новое послание от короля?

— Оно от лэрда Монтгомери. — При этих словах губы Нейла презрительно изогнулись. — Я не позволил гонцу войти и решил передать его сам.

Эйден поднялся и, хмыкнув, встал рядом с отцом. Броуди приблизился к матери и Эвелин, как будто хотел защитить их от того, что может нести в себе послание.

Тэвис взломал печать, развернул свиток и быстро пробежал его глазами. По мере чтения лицо его становилось еще мрачнее. Наконец лэрд поднял голову и, сверкнув взглядом, сообщил:

— Грэм Монтгомери пишет, что, согласно приказу короля, явится за своей невестой.

Братья отреагировали по-разному, но одинаково бурно. Броуди рванулся вперед, но Эвелин успела прочесть по губам его слова:

— Это фарс! Король не может всерьез говорить об этом. Он не дьявол и не пошлет ягненка в логово львов!

— Монтгомери? В наших владениях? — выкрикнул Эйден. Он явно был поражен. — Это неслыханно! Раньше земля утонет в крови!

Эвелин переводила взгляд с одного на другого так быстро, что у нее заболела шея, но все равно многое упустила. Все говорили одновременно. Она улавливала лишь обрывки фраз, в основном проклятия, восклицания и предположения о том, почему король отдал столь невероятный приказ.

Эвелин никогда не видела Грэма Монтгомери, она вообще не встречала ни одного из Монтгомери. Невольно ей представлялся стареющий мужчина с брюшком, крупным носом и страшным лицом. Она никогда не прислушивалась к разговорам о клане Монтгомери, потому что это ее не интересовало. Эвелин просто знала, что они кровные враги ее клана и что отец скорее умрет, чем позволит одному из Монтгомери ступить на его землю. Знала, что отец и братья — воины, не имеющие себе равных в силе и ловкости. Конечно, с ее стороны было самонадеянно верить в это, но ничто в повседневной жизни не вынудило бы ее изменить мнение о своей родне. А потому Эвелин всегда чувствовала себя в безопасности от любого внешнего вторжения. Армстронги бдительно охраняли свои границы, и никто не мог ступить на их земли без разрешения.

Когда-то, давным-давно, такое вторжение все же случилось. Монтгомери совершили набег, и многие из Армстронгов были убиты, включая бабушку Эвелин. Ее дед, который был тогда лэрдом, очень горевал о жене и погиб, пытаясь отомстить за нее. Он убил лэрда Монтгомери, но и сам был сражен в этом бою другим воином враждебного клана.

Столько смертей, а Эвелин даже не знает, с чего все началось. За прошедшие годы ей только изредка доводилось слышать обрывки разговоров на эту тему. Надо было лучше слушать, пока у нее был слух, но Монтгомери всегда были для нее чудовищными порождениями тьмы, почти фантастическими созданиями, о которых барды слагают свои баллады. На ее памяти Монтгомери ни разу не нападали.

И вот теперь они заберут ее к себе. Лишат защиты родного клана и любимой семьи. Выдадут замуж. Ей предназначено стать женой человека, который всю жизнь был для нее только мифом.

Эвелин задрожала, но тут же взяла себя в руки. Нельзя огорчать мать еще больше, выказывая собственный страх.

Она повернулась и, не оглядываясь, вышла из зала. Даже не стала выяснять, не следует ли ей остаться. Она часто так делала — совершала внезапные поступки как будто по внезапной прихоти или по наитию. Когда-то это казалось странным, но теперь в семье привыкли к ее поведению и больше не удивлялись.

Сейчас ей было необходимо разобраться в себе, оценить столь внезапную перемену в своей жизни. Сумеет ли она жить с людьми из чужого клана? В собственном клане ее любили, пусть некоторые и сторонились ее из-за недуга. Были даже такие, кто, увидев Эвелин, начинал бормотать молитвы. Может, боялись, что глухота заразна и легко может перейти на других?

Эвелин хотелось из озорства коснуться таких людей и посмотреть, что с ними будет: отпрыгнут ли они, как от огня, или с воплями бросятся к пастору? Но позже она всегда ощущала раскаяние — ведь это были люди ее клана, они не виноваты, что она другая. Как они могли разобраться, если Эвелин не сделала ничего, чтобы изменить их мнение? К тому же большинство из них относились к ней с искренней добротой и были готовы на многое, лишь бы она была счастлива.

И она действительно жила здесь счастливо. Эвелин далеко не сразу разобралась с произошедшим — с несчастным случаем и последовавшей за ним болезнью, — не понимала, почему лишилась слуха, но ей с детства внушали, что нельзя сомневаться в Божьей воле.